

Вера Петровна Желиховская

Ночь всепрощения и мира

Фантастические рассказы

Вера Желиховская

Ночь всепрощения и мира

«Public Domain»

1896

Желиховская В. П.

Ночь всепрощения и мира / В. П. Желиховская — «Public Domain», 1896 — (Фантастические рассказы)

«...Вот и в эту ночь, величайшую ночь христианского мира, Агриппа вышел, не чая ничего необычного; но чёрный пёс его знал, что должно случиться «нечто» не совсем обыденное... Он отводил пронзительный взгляд свой с хозяина лишь затем, чтобы требовательно, нетерпеливо устремлять его в тёмную ночь; он многозначительно взвизгивал, словно предупреждая его о чём-то появлении. Учёный наконец обратил на него внимание.— В чём дело, дружище? – тихо спросил он. – Ты ждёшь кого-то?.. Ты извещаешь меня о прибытии гостя?.. Что же? Надо ли нам бояться того, кто придёт?...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Вера Петровна Желиховская

Ночь всепрощения и мира¹

Была Великая Суббота – 1500-я годовщина святотатственного преступления, даровавшего спасение миру.

В Генуе храмы были переполнены народом, собиравшимся чествовать ночь Воскресения Господня. Колокола торжественно звонили, вечерние службы кончались, но оживление ещё царило на улицах и в цветущих окрестностях древнего города, над которыми раскинулся тёмно-синий купол небес, усеянный ярко сиявшими алмазами созвездий.

В маленькой вилле, утонувшей в зелени пальм, олеандров, мирта, лавров и роз, под мраморным портиком, на крыльце, стоял, прислонившись к резной колонне, человек высокого роста, ещё не старый, но с лицом уже изборождённым многими морщинами – следами забот, трудов, подчас тяжких лишений. Он вышел вздохнуть ароматным воздухом, оживить грудь сильными, здоровыми испарениями моря... Взор его блуждает по вольному простору Генуэзского залива, по цветущим берегам и морской зыби, отливающей серебром и фосфором под дрожащими лучами звёзд, – но он полон сосредоточенных дум и печали.

Рука его лежит на голове большой чёрной собаки, пристально устремившей глаза в его лицо. Глаза животного горят, как изумруды, в темноте ночи, в них глубина и сила мысли изумительные. Собака не сводит взоров с лица своего хозяина и, по временам, визжит или рычит, словно хочет ему сообщить что-то.

Человек этот – известный теолог, оратор, доктор, химик, историк и лингвист; другие считали его астрологом, алхимиком, магом и чародеем, повелителем элементов и духов, равным полубогам древности, подобным Гермесу Трисмегисту по знаниям и могуществу. Это великий учёный Корнелий Агриппа, врач Луизы Савойской, матери Франциска I, летописец Карла V, автор «Тайной философии», почти за четыре столетия ранее Месмера провозглашавший скрытые силы человека над человеком; многократный изгнанник и великий путешественник, едва не погибший на костре за то, что, будучи синдиком, в Меце, спас от пламени бедную девушку, приговорённую к сожжению за колдовство. Это Корнелий Агриппа, а рядом с ним – «*Monsieur*», его заколдованная собака-демон, описанная всеми современниками его, признававшими исключительные особенности их обоих.

Сам ли «Мосьё» был оборотень, домовый в шкуре пса? Или его «всезнайство» исходило из магического ошейника, скрытого в его длинной, шелковистой чёрной шерсти, – ошейника с кабалистическими знаками на внутренней стороне его? – в этом хроники не согласуются, но, как бы то ни было, «Мосьё» был советником, учителем и другом Корнелия Агриппы, – и оба это сознавали.

Вот и в эту ночь, величайшую ночь христианского мира, Агриппа вышел, не чая ничего необычного; но чёрный пёс его знал, что должно случиться «нечто» не совсем обыденное... Он отводил пронзительный взгляд свой с хозяина лишь затем, чтобы требовательно, нетерпеливо устремлять его в тёмную ночь; он многозначительно взвизгивал, словно предупреждая его о чём-то появлении.

Учёный наконец обратил на него внимание.

– В чём дело, дружище? – тихо спросил он. – Ты ждёшь кого-то?.. Ты извещаешь меня о прибытии гостя?.. Что же? Надо ли нам бояться того, кто придёт?

Он сосредоточенно смотрел в глаза собаки, и та ему отвечала не менее глубоким взглядом...

– Нет?.. Вижу, что нет. Тем лучше... Я утомился в житейской борьбе! Я устал скитаться и боюсь, что время моё сочтено... Не великой перемены страшусь я, – нет! Предвечного закона нечего страшиться. Но я боюсь, что не успею выполнить своих задач: не успею передать гря-

дущим поколениям вверенных мне знаний... Пойдём, товарищ, работать! Ни дело, ни жизнь – не ждут!

И Агриппа вошёл в единственную комнату своего одинокого жилища, вместе и лабораторию, и кабинет для чтения и приёмную немногих посетителей, являвшихся к нему за советом, за предсказанием или за составлением гороскопа. Тут было всё: скелеты и реторты, фолианты, глобусы и геометрические инструменты; на полках и на столах были расставлены бокалы и фляжки с таинственными амальгамами, с цветистыми эликсирами, солями, кислотами, и рядом с ними – куски разнородных металлов и банки с различными семенами и всевозможными ингредиентами. Висячая лампа в виде ладьи, освещала таинственным, синеватым пламенем этот рабочий беспорядок, пучки трав, чучела пресмыкающихся и птиц, спускавшиеся с потолка. А возле огромного стола красноватые отблески углей, тлевших в жаровне, бросали огненные искры и багряный свет на все ближайшие предметы.

Учёный тотчас углубился в свои мысли и сложную работу, забыв весь мир; а Monsieur, не зная забвения, уселся сторожем на пороге и зорко глядел в темноту, ожидая неминуемого гостя.

И вот он появился у входа в сад; вот перешагнул в ограду и прямо направляется в открытые двери жилища... Пёс слегка повернул голову к хозяину и предупредил его тихим, ласковым рычанием.

Но Корнелий Агриппа был слишком углублён в себя, чтобы видеть что-либо или слышать.

Незнакомец вошёл в район света и молча стал на пороге...

Незнакомецъ вошелъ въ районъ свѣта и, молча, сталъ на порогѣ.

Странен был его вид!

Удивительные противоположности, невиданные в людях никогда; смесь отличительных свойств, совсем между собою несходных, поражала в наружности этого позднего посетителя. Начиная с его возраста, – всё было в нём неопределённо, противоречиво!.. Он не был сед, едва несколько белых нитей серебрило его чёрные кудри, но ни бороды, ни усов у него не было. Не было также и глубоких морщин; глаза, порою, блистали как у юноши; но, в общем, в выражении лица и всей его высокой, согбенной фигуры, сказывалось такое великое утомление, будто года лежали на нём тяжёлым бременем. Его древнееврейская одежда поражала богатством тканей и драгоценностей и, вместе, такую ветхостью, что, казалось, она сейчас распадётся лохмотьями и прахом... Но нет! Каким-то чудом его восточные шелка, расшитые золотыми буквами и каба-

листоческими эмблемами, его пурпуровая мантия, «эфод», накиннутый на плечи, его когда-то богатые, но выцветшие сандалии, – держались, не распадаясь, на исхудалом, бескровном теле, казалось, тоже готовом разложиться, если б его сочленений и мускулов не сдерживало нечто сильнейшее материальных атомов и законов физических.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.